

Евгений Таганов

Слово о Сафари

Реал-утопия

УДК
ББК
Т13

Т13 **Таганов, Е.**
Слово о Сафари: Реал-утопия — М.: Издательство «Книга по
Требованию», 2013. — 406 с.

ISBN

Накануне Перестройки четыре молодых пары отправляются на другой край света, в Приморье, чтобы на маленьком острове зажить отдельной самодостаточной жизнью. Выдержав столкновения с чиновниками, пьянчугами и братками, они принимают в свои ряды новых людей и превращаются в неформальную общину Сафари. Дух предпринимательства помог им в 90-е годы не только не разориться, но обрести огромные материальные блага.

Однако 14 лет спустя все оказалось вовсе не таким на что отцы-основатели Сафари рассчитывали...

© Е. Таганов, 2013
© Lennex согр., 2013

Глава 1. ПЕРЕМЕНА УЧАСТИ

Хотя свой герб у Сафари появился лишь в конце восьмидесятых годов, начать я хочу именно с него. Он представляет собой восьмиконечную золотую звезду, а в ней оранжевый мамонт со стрелой в боку. На четырёх лучах побольше — фамилии командиров-учредителей: Воронцова, Севрюгина, Чухнова и Кузьмина. Лучи поменьше, безымянные — наши жёны.

Выбор мамонта в качестве символа и талисмана многозначен. Это и физическая мощь, и консерватизм взглядов, и забытые ценности с призывом к их возрождению, и приманка для охотников «а ну-ка победи меня», и много чего ещё. Ну а стрела в боку мамонта — непереносимое условие нашего существования, мостик между крошечным сафариным сообществом и недружелюбным окружением, мол, ваши укусы нам, что стрела мамонту.

Ныне этот герб красуется на четырёх наших особняках, висит в служебных и домашних кабинетах, обозначен на моторных яхтах, театральных ложах, на сиденьях представительских машин, столовом серебре и персональных пивных бокалах в добром десятке пивбаров. По неписанному сафариному закону мы никогда не даём интервью, не позволяем фотографам снимать интерьер своих жилищ и никогда не опровергаем тот бред о Сафари, который всё же иногда просачивается в печать. Однако в последнее время нас всё чаще стали называть социально-финансовой пирамидой, паразитирующей на нещадной эксплуатации рядовых членов собственной общины, поэтому ничего не остаётся, как самим создать свою версию Сафари, что-то скрыв, а что-то приукрасив.

Итак, Минск, 1981 год.

До двадцати семи лет, до самого знакомства с Пашкой Воронцовым мы, трое бывших одноклассников, Севрюгин, Чухнов и я, жили самой обыкновенной жизнью коренных минчан: школа, институт, армия, скромная служба (Севрюгин — хирургом в поликлинике, Чухнов — переводчиком в издательстве, я — тренером по боксу во Дворце пионеров). Минск в ту пору был одновременно и полуторамиллионной столицей, и не самой последней провинцией (сразу за Ленинградом и Киевом), и бурно

развивающейся новостройкой с преимущественно пришлым сельским населением, и нам в нём, несмотря на пресловутые сто двадцать рублей в месяц, было и сытно, и комфортно, и даже слегка аристократично по сравнению со вчерашними молодыми колхозниками. Милиция и та, слыша нашу чистую без деревенского акцента русскую речь, не смела нас трогать и материть.

Летом мы любили забираться с палаткой к лесным озёрам на ловлю раков, по чернику и по грибы. Зимой же каждую субботу с большой флягой пива отправлялись во Дворец водного спорта, благо с абонементом у меня там не было никаких затруднений. Но собирались и просто так у кого-нибудь на дому, до одурения резались в тысячу и слушали Высоцкого, и такое времяпрепровождение вовсе не казалось нам пустым прожиганием жизни.

Все мы жили с родителями, причём только у барчука Чухнова, больше известного в миру как Аполлоныч, имелась своя отдельная комната. Хуже всего приходилось Вадиму Севрюгину, он жил вдвоём с матерью в однокомнатной квартире и все свои медицинские учебники изучал исключительно на кухне. Мне было проще, так как я делил свою комнату всего лишь с младшей сестрёнкой и сам прогонял её в гостиную к маме и бабушке. Впрочем, такой квартирный вопрос в конце семидесятых годов казался совершенно естественным делом, давая повод думать об отдельном кооперативном жилье, как о великой жизненной цели.

Были, конечно, и другие цели. Аполлоныч после институтской практики в Англии, слегка тронулся рассудком и частенько вслух мечтал жениться на еврейке, чтобы по пути в Израиль застрять в каком-нибудь Лондоне или Париже. Вадим Севрюгин, доведённый до отчаянья кухонным уединением, несколько раз порывался податься в районные главврачи и даже дважды выезжал осматривать квартиры, которые ему там могли предоставить, но печное отопление и клозет на огороде загоняли его обратно в Минск. Я же из своих командировочных на детские соревнования тайком копил деньги на «Запорожец», с садистским удовольствием представляя, как мы, трое здоровенных лбов, будем потом упаковаться в это транспортное средство для лилипутов.

— Человек — это звучит обаятельно-непринужденно, — полагал Аполлоныч.

— Какой там! Человек — это звучит бестолково-терпеливо, — возражал ему наш хирург.

— А по мне человек — это одомашненный хищник, — мямлил я, сам не зная, что именно хотел сказать.

Явных командиров в нашей троице не было: Аполлоныч быстро чем-нибудь загорался, но Вадим со свойственным врачам цинизмом умел двумя-тремя фразами приводить его в чувство. К моему посредничеству они прибегали редко, знали, что я только идеальный исполнитель, который пороха никогда выдумывать не станет, поэтому договоритесь, пожалуйста, сначала между собой. Назвать нашу дружбу какой-либо выдающейся опять же нельзя — испытаниям она не подвергалась, просто потому что никаких испытаний не было. Так по лёгкому в то время дружили очень многие бывшие одноклассники.

Первым в двадцать четыре года на бухгалтерше своей поликлиники женился Вадим Севрюгин. Златокудрая Ирэн была девушкой с ещё не сформировавшимися претензиями, и наш меланхоличный упрямец Вадим прямо весь светился оттого, что на свете есть женщина, считающая его пригодным к семейной жизни мужчиной. Они переехали жить в квартиру родителей Ирины, которые непонятно почему трепетали перед зятем-хирургом, и на некоторое время Вадим обрёл вполне гармоничное существование.

Я был на его свадьбе свидетелем, а третьекурсница пединститута Валентина, как лучшая подруга невесты, — свидетельницей. Два дня в тесном взаимодействии и под изрядным хмельком решили дело — и спустя два месяца мы тоже зарегистрировали свои отношения. Подаренные на свадьбу деньги позволили нам снять отдельную квартиру и с головой погрузиться в новую для себя самостоятельную жизнь. Мой отец умер, когда я был совсем маленький, Валентина тоже всю жизнь прожила с отчимом, поэтому, что такое полная нормальная семья нам приходилось узнавать исключительно на собственном опыте. Через год у нас родилась первая дочь, причем её рождение лишь на какой-то месяц отстало от появления на свет севрюгинского Герки.

Естественно, что сей двойной демографический подвиг только ещё сильнее связал наши две семьи. И барчук Чухнов стал слегка выпадать из наших пеленочно-деталактных интересов. Вскоре, однако, его угораздило загреметь в следственную тюрьму — выгонял из троллейбуса троих распоясавшихся десятиклассников и двоих из них ненароком сильно помял. Месяц, проведённый за решёткой, так впечатлил нашего утончённо-фанаберистого полиглота, что когда на суде ему объявили лишь год исправительно-трудовых работ по месту службы, он на радостях немедленно сделал предложение Натали, своей молоденькой адвокатше. К сожалению, она была не еврейкой, а всего только западной белорусской с сильными польскими корнями, поэтому дверца в Израиль для Аполлоныча навсегда захлопнулась, чего он, впрочем, даже не заметил. Молодожёны отличались завидной вспыльчивостью и не отходчивостью, и в ссоре проводили времени больше, чем в семейной идиллии, тем не менее, родить через год сына сумели. Ершистая, языкастая (недаром что адвокатша) Натали тут же слегка обабилась, заметно помягчела и обрела вечную тему для бесконечного общения с Ирэн и Валентиной как более опытными молодыми мамами, и паритет в нашем, теперь уже семейном триумвирате вновь был восстановлен.

Это кстати именно Натали, когда мы в пять голосов насели на неё, дабы отучить от курения и таки отучили, заметила, что вместе всех нас объединяет главным образом умеренное употребление спиртного и отвращение к никотину, из-за чего мы не вписываемся в сильно пьющий и дымящий круг остальных своих знакомых и приятелей. Другим объединяющим фактором стала подаренная барчуку Чухнову на свадьбу многочисленной родней «Лада»-четвёрка, которая всем была хороша, вот только вбиться в неё шестером было, учитывая наши гренадерские габариты, ну никак невозможно. Пока женщины занимались малышами, это не ощущалось, но через год-два обещало великие обиды.

Тут как раз подоспело знакомство с Пашкой Воронцовым и его семейством, и наша команда стала не только ещё более монолитной, но приобрела совершенно иное качество, стиль жизни и направление.

Первая встреча с Пашкой случилась весной 1981 года прямо на нашей школьной улице. Втроём мы стояли возле «Лады», собираясь разойтись по домам, как вдруг подлетает нечто худое, длинношее и требует подобрать лежащую в кустах пьяную бабу и отвезти ее домой. Аполлоныч был в прекрасном настроении и только отшутился в ответ, за что тут же получил от Пашки звонкую пощёчину. Мы с Вадимом только рты пораскрывали от изумления, не сомневаясь, что сейчас барчук размажет прикурка по стенке. Но с Аполлонычем произошло то, что случается с волкодавом, которого атакует курица, защищая своих цыплят: он послушно пошёл в кусты и попытался тащить в машину несчастную пьянчужку. Однако та уже возле самой машины сама встала на ноги, обложила всех матом и нетвёрдой походкой удалилась прочь.

Следом за ней растворился в сумерках вечера и Пашка, даже не извинившись перед барчуком за беспокойство. В полном удовлетворении, как ни странно, остался именно Аполлоныч. Полученная пощёчина привела его лишь в восхищение: во-первых, потому что пощечина, а не плебейская зуботычина, во-вторых, — это каким же парнем надо быть, чтобы на такой наскок осмелиться!

Вторая его встреча с Воронцовым произошла через детей. Помимо своей службы в издательстве Аполлоныч подрабатывал частными уроками английского малышам, причём, чем меньше было ученику лет, тем интересней Чухнову было с ним возиться. И вот волею случая к нему в дом попали воронцовские дети, Катя и Дрюня. И однажды вместо матери их привёл на занятия отец, сам Пашка. Слово за слово выяснилось, что он как раз сколачивает себе на шашку бригаду из 3-4 человек для сборки во время отпуска дачных домиков. И так всё складно сложилось, что через неделю мы вчетвером уже заливали бетоном фундамент первой дачи.

Со смыслом жизни у Воронца был полный порядок: коль скоро человек единственное существо, способное управлять своей эволюцией, то вся его энергия и помыслы должны быть направлены на улучшение собственной популяции, на поиск такой формулы общественного устройства, которая была бы самой

сбалансированной и всех удовлетворяла. То, что человечество уже шесть тысяч лет такой формулы отыскать не может, ничуть его не смущало — всё равно кто-то да найдёт, так почему бы не именно он, Пашка Воронцов.

Последовательно и играючи он растоптал все наши прежние любимые представления о Вселенной.

— Я видел однажды, что такое обаятельная непринуждённость, — сказал он Аполлонычу, — когда по Эрмитажу рядом со мной шла группа немецких школьников и очень мило в полный голос переговаривалась и аукалась. Как у нас все носятся с этой обаятельной непринуждённостью, а ведь это по сути всего лишь пассивное хамство. Разве ты каждый день не сталкиваешься, как в транспорте, в очереди или в лифте рядом с тобой кто-то говорит о своих личных делах, совершенно не заботясь, что ты можешь думать о своём и не хочешь их слушать?

— Вполне согласен, что восемьдесят процентов людей ведут бестолково-терпеливую жизнь, — говорил Пашка Севрюгину. — Так, конечно, намного удобней. Плыть по течению, довольствоваться малым и делать всё как другие. Этакое состояние го-меостаза. Но малейший сбой в такой жизни делает человека несчастным. Любая смерть, любой развод, даже простое ограбление квартиры — и ты годами будешь приходить в себя. Да и вообще действовать вторым номером, только отвечать на вызов, брошенный тебе жизнью, — что может быть унижительней для человеческой гордости? Не лучше ли всегда самому работать первым номером?

— А что такое одомашненный хищник? — с пристрастием переспрашивал Воронец меня. — Как, как? «Настоящий мужик, готовый в нужный момент показать свои клыки?» Когда я слышу это увесистое «настоящий мужик» я немедленно представляю себе недоразвитое крестьянское чмо, которое собирает десять центнеров зерна с гектара, в то время как его братаны в Швеции и Финляндии собирают по сорок-пятьдесят центнеров. Ты это недоразумение называешь одомашненным хищником?

В работе Пашка был не столь агрессивен, никогда не стремился «рвать живот», всё делал в продуманном неспешном рит-

ме, «по-европейски», как называл это Аполлоныч. Но как-то всегда так получалось, что объём сделанного бывал огромен, а усталости особой не чувствовалось. Вернее, ему не чувствовалось, а нам поначалу очень даже чувствовалось. Аполлоныч пытался даже роптать:

— Теперь я понимаю, что значит быть выючным животным.

— А кто тебе сказал, что выючные животные не влюблены в свои выюки, — отвечал ему наш новоявленный бугор. — Влюбись и ты в свой выюк — и всё будет в порядке.

— Чего я никогда не пойму, это почему любая шабашка оплачивается больше интеллектуального труда? — подхватывал разговор Севрюгин.

— Слухи о ценности интеллектуального труда сильно преувеличены, — отшучивался Воронец. — Ну как может человек, который старательно проучился пятнадцать-семнадцать лет признать, что его специальность ничуть не выше работы слесаря или сантехника. Всё от непомерного тщеславия.

И это говорил красnodипломник московского Архитектурно-го института. Человек, который за месяц тяжелого физического труда не сказал ни одного матерного слова. И, тем не менее, его пренебрежение чистым умственным трудом было вовсе не для красного словца. Без деланья чего-нибудь собственными руками жизнь для Пашки Воронцова казалась неполной на самом деле.

Разумеется, всё это выяснилось не сразу — как всякий профессиональный сумасшедший, Пашка был крайне осмотрителен и сдержан на самые глубинные свои признания. Да и очень уж не вязался весь его облик хозяйского, умелого в любой работе тридцатилетнего мужика с теми идеями и прожектками, которым суждено было перевернуть раз и навсегда всю нашу жизнь. Ибо в отличие от нас, страдальцев малогабаритных хрущовок, Пашка проживал хоть и рядом с троллейбусной остановкой, но в частном доме, который постепенно расширял и вниз, и вверх, и в стороны, а на десяти сотках умудрялся откармливать поросёнка с козой и по десятку кур, уток и нутрий. Каждое утро начинал с того, что шёл с косой на ближайший пустырь за мешком травы, а вторую ходку делал в детсад за двумя ведрами пищевых отходов.

Это теперь, много лет спустя, любому очевидно, что пожизненный кормчий Сафари в то время всего лишь обкатывал на себе курс молодого сафари́йца, а тогда мы, признаться, были здорово шокированы этими его помойными ведрами и всерьёз подумывали, не роняет ли нас в глазах окружающих подобная дружба.

Глядя на его неугомонную возню на шабашке, а потом и на домашнем подворье, как-то не верилось, что до двадцати лет он был образцом лени и праздности. Даже телевизор тяготился смотреть, всё бы только лежал на койке в своей общаге Архитектурного института и смотрел в потолок, мечтая на машине времени оказаться в императорском Риме или в Киевской Руси и сотворить там нечто такое, что изменило бы весь ход мировой цивилизации в более гармоничную сторону.

И вдруг на третьем курсе минская подружка студентка журфака Жаннет прислала ему письмо с предложением руки и сердца, и с маленькой припиской, что если их брак состоится, то они смогут жить отдельно, переселив её бабушку Анфису из частного сектора в родительскую квартиру, а самим занять бабушкин домик из двух комнат и кухни-веранды. Пашка прочитал и удивился, а удивить его было всё равно что уговорить. В ближайшие выходные он выехал в Минск, и они с Жаннет подали заявление в загс. Будучи в курсе, как его подруге нелегко живётся с вечно ноющими родителями, Воронец рассматривал свой брак как жест доброй воли — помочь хорошему человеку переехать в отдельное жильё, а позже она, мол, сама увидит, что ни в какие мужья он ей не годится, и к пятому курсу, смотришь, они тихо-мирно разведутся.

Но вышло по-другому. Переезжающая в квартиру бабушка Анфиса лила столь горячие слезы по своей козе и поросёнку, что для будущего зодчего стало делом чести не только модернизировать сам дом, но и сохранить оставшуюся живность. И, засучив рукава, вчерашний сибарит превратился в запойного трудоголика, ухитряясь два года подряд неделю жить в Москве, а неделю в Минске и тянуть при этом на красный диплом. Сейчас такие «заграничные» мотания кажутся неподъёмными рядовым студентам, а тогда плацкарт в скором поезде по студенческому билету